

Ши Яньжу целыми днями только и делал, что вздыхал, а потом заявил профессору, что хочет сменить специальность. Тот велел ему подождать, но в итоге позвонил Ши Фэнмину. Ши Фэнмин устроил сыну разнос, а узнав, что Кун Цинлинь вывез его за пределы кампуса, позвонил еще и в семью Кун.

У Кун Цинлиня заблокировали карты, отобрали машину и обязали жить в общежитии. Он принял это с поразительным спокойствием, заявив, что будет жить только там, где Ши Яньжу, причем непременно в небольшом коттедже. Семье Кун ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Как только Ши Яньжу въехал в коттедж, он снова заговорил о переводе на другой факультет. Услышав, что тот собирается учиться на художника, Кун Цинлинь уперся: переводиться, так вместе. Без денег и машины им пришлось осесть в кампусе.

Ши Яньжу чувствовал себя виноватым в том, что втянул Кун Цинлиня в неприятности. Ведь именно из-за него Кун Цинлинь подговорил людей облить грязью Цинь Чжэньюя, а когда скандал разросся, семья Кун и решила перекрыть ему финансы.

Ши Яньжу, держа в руках карандаш, набросал в блокноте мультяшного Кун Цинлиня. Едва он закончил, как блокнот выхватили из рук:

— Яньжу, ну даешь! Вылитый я, как живой. Подаришь рисунок?

Видя, что Кун Цинлинь по-прежнему дурачится, Ши Яньжу с досадой посмотрел на него, мол, никакой серьезности, забрал рисунок обратно, написал на нем пожелание и протянул другу:

— Тебе что, совсем не страшно?

Кун Цинлинь бережно спрятал листок:

— Чего бояться? Отец карты заблокировал, но дедушкины и бабушкины остались. Да даже если и остальные прикроют, брат меня в беде не бросит.

Ши Яньжу закатил глаза. Он и забыл, что в семье Кун Цинлинь — как национальное достояние. В этот раз карты заблокировали лишь потому, что шум поднялся слишком большой и все испугались, как бы парень не пошел по наклонной. Как только буря утихнет, Кун Цинлинь снова станет прежним.

Кун Цинлинь приобнял Ши Яньжу за плечо и прошептал:

— А ты что? Собираешься и дальше всё терпеть? Кто такой этот Цинь Чжэньюй? Твой отец из-за него даже твои карты заблокировал. Неужели он и компанию этому выскочке отдаст?

Ши Яньжу сохранял спокойствие, его голос звучал серьезно:

— Если скажу, что вообще не собирался управлять компанией, согласишься?

Кун Цинлинь выпрямился и нахмурился:

— Но ты же единственный сын! Если не ты, то кому? Отдашь всё этому внуку Цинь Чжэньюю?

Ши Яньжу покачал головой:

— Это слишком далеко, не хочу даже думать об этом.

Ему бы просто выжить.

В конце концов, перевод на другой факультет состоялся. Несмотря на угрозы Ши Фэнмина отречься от него, Ши Яньжу своего добился. Он не был настоящим Ши Яньжу, поэтому Ши Фэнмин для него оставался лишь чужим старшим родственником. Он хотел постепенно порвать связи с кланом Ши: если держаться от Цинь Чжэньюя подальше, то можно избежать гибели.

Больше полумесяца Ши Яньжу бегал от Цинь Чжэньюя и понятия не имел, какая борьба развернулась между тем и Кун Цинлинем за его спиной. Погруженный в рисование, он даже еду получал из рук Кун Цинлиня прямо в мастерской.

Цинь Чжэньюй же сходил с ума от раздражения. Кун Цинлинь охранял Ши Яньжу, как зеницу ока, а сам он, будучи ограниченным правилами университета, не мог даже мельком увидеть парня. Еще больше пугало то, что телефон Ши Яньжу был отключен, а с Ши Фэнмином тот не общался вовсе. Эта тишина внушала ужас.

Утром Цинь Чжэньюй позвонила домработница: Ши Фэнмин потерял сознание и его увезли в больницу, а связаться с Ши Яньжу они не могут. Повесив трубку, Цинь Чжэньюй едва заметно прищурился, в душе торжествуя.

Как обычно, у коттеджа его преградил Кун Цинлинь. Цинь Чжэньюй, с лицом, полным ярости, процедил сквозь зубы:

— Дядя в больнице, без сознания. Ты осмелишься меня остановить? Подумай, готов ли ты нести последствия.

Кун Цинлинь, напуганный жестокостью, блеснувшей в глазах Цинь Чжэньюя, отступил на полшага. Он поспешно позвонил домой и, убедившись, что Ши Фэнмина действительно увезли в больницу, занервничал. Как бы они ни ссорились, Ши Фэнмин — отец Яньжу.

Цинь Чжэньюй оттолкнул Кун Цинлиня, взлетел на второй этаж и с ноги выбил дверь мастерской. Ши Яньжу сидел у окна в белой рубашке, нахмурившись, с кистью в руке. Грохот двери испортил рисунок.

Цинь Чжэньюй замер, очарованный: солнце лило свет на Ши Яньжу, окутывая его тонкой золотистой дымкой, делая его почти божественным и неприкосновенным.

Кун Цинлинь, вне себя от ярости, увидев, как Цинь Чжэньюй пожирает взглядом Яньжу, рывкнул:

— Яньжу, твой отец в больнице!

Ши Яньжу замер, а затем невозмутимо отложил кисть и принялся приводить в порядок вещи. Ши Фэнмин каждый год проходил медосмотры, он был здоров как бык, ничего с ним не случится.

Присутствующие опешили от такого равнодушия. Особенно Цинь Чжэньюй — его руки дрожали от страха. Кун Цинлинь стиснул зубы и подошел к другу:

— Яньжу, послушай меня. Отец, конечно, несправедлив, но он твой отец. Как ни крути, надо поехать и проведать его.

Цинь Чжэньюй уже ничего не слышал, в его глазах застыло лишь бесстрастное лицо Ши Яньжу. Неужели тому стало плевать даже на отца? Неужели всё из-за него?

Ши Яньжу улыбнулся Кун Цинлиню:

— Я же не сказал, что не поеду.

Как раз вовремя. У него накопилось немало слов, которые нужно было прояснить с Ши Фэнмином.

Увидев эту улыбку, Кун Цинлинь почувствовал укол в сердце. Он бросил на Цинь Чжэньюй полный ненависти взгляд и процедил:

— Доволен? Рад теперь? Довел Яньжу до такого состояния, чтобы всё в доме Ши досталось тебе?

Цинь Чжэньюй приоткрыл рот, его лицо помрачнело. Всё в доме Ши... Да что этот дом Ши вообще значит, чтобы из-за него он стал бы доводить Яньжу?

В больнице Ши Фэнмин уже пришел в себя. Оказалось, упал в обморок из-за того, что не позавтракал — низкий сахар. Всю дорогу Ши Яньжу не проронил ни слова, отчего сердце Цинь Чжэньюя сжималось от боли. При каждой попытке встретиться взглядом Ши Яньжу мгновенно отводил глаза.

От страха потерять его Цинь Чжэньюй долго подбирал слова, но так ничего и не произнес. Теперь он жалел, что не может вернуться на месяц назад и прибить самого себя.

Ши Яньжу подошел к кровати. Ши Фэнмин выглядел бодрым, рядом Мо Ялань чистила ему яблоко.

— Тетя, я хотел бы поговорить с отцом наедине.

Мо Ялань с натянутой улыбкой кивнула:

— Конечно, я выйду. Поговорите спокойно, отец и сын не враги, ведь так?

Выйдя из палаты, Мо Ялань тут же помрачнела. Увидев Цинь Чжэньюя, равнодушно прислонившегося к стене, она подошла и протянула ему наушник:

— Слушай внимательно. Ши Яньжу — мастер интриг. Этот маневр с отступлением загнал меня в угол. Теперь все знают, что Ши Фэнмин заблокировал ему карты из-за тебя, и все за моей спиной потешаются.

Цинь Чжэньюй нахмурился, глядя на наушник, но в итоге взял его. Он хотел услышать голос Ши Яньжу.

— Ради каких-то банковских карт ты готов бросить дом? И отца бросить? Что значит этот перевод на другой факультет? Почему после блокировки карт ты даже не позвонил? У тебя хоть капля сыновней любви осталась? — Ши Фэнмин злился все больше. В последнее время мысли о сыне вызывали у него мигрень, но сделать он ничего не мог.

Он пытался угрожать отказом от сына, чтобы тот не переводился, но Ши Яньжу все равно это сделал. Его главное оружие — лишение денег — на парня, казалось, вообще не действовало.

Ши Яньжу придвинул стул и сел напротив:

— Мне не нравится менеджмент, не нравится заниматься бизнесом. Я перевелся, потому что хочу рисовать, а не из вредности.

Ши Фэнмин, видя мягкий тон сына, немного остыл:

— Я уже восстановил тебе карты. Хватит жить в общежитии, возвращайся домой.

Ши Яньжу нахмурился. Возвращаться домой было категорически нельзя, он не хотел иметь ничего общего с Цинь Чжэньюем.

Ши Фэнмин сказал серьезно:

— Я знаю, что вы с Чжэньюем не ладите. Я отправлю его жить в общежитие, а ты возвращайся.

Ши Яньжу глубоко вздохнул и покачал головой:

— Папа, мне девятнадцать. Я знаю, чем хочу заниматься в будущем. Можно не вмешиваться в мою жизнь?

Ши Фэнмин нахмурился:

— Что ты имеешь в виду? Мне что, развестись, чтобы ты согласился вернуться?

Ши Яньжу вздохнул и спокойно ответил:

— Я не это имел в виду. Насчет твоего повторного брака — я все обдумал. Я не могу принять тетю Мо, как и Цинь Чжэньюя. У каждого своя жизнь. С самого детства я делал все по твоей указке: учил нелюбимые естественные науки, общался с неприятными людьми. Я больше не могу лгать себе, я был очень несчастлив. Почему я должен жить ради других? Ради компании? Я хочу жить для себя.

Ши Яньжу знал: чтобы избавиться от Цинь Чжэньюя, нужно успокоить Ши Фэнмина. Видя, что тот молчит, помрачнев, Ши Яньжу встал:

— Папа, я не капризничаю и не пытаюсь выгнать тетю Мо. За этот месяц я все четко осознал: я не хочу управлять компанией, я хочу учиться рисовать.

Увидев искренность в глазах сына, Ши Фэнмин словно сдулся. В душе шевельнулась горькая мысль, что ребенок наконец вырос.

— Но ты мой единственный сын. Кто будет управлять компанией? Ты еще молод, не знаешь, насколько жесток этот мир. Я не запрещаю тебе рисовать, но ты обязан возглавить бизнес.

Ши Яньжу решительно покачал головой. В воспоминаниях Системы Цинь Чжэньюй положил глаз на компанию Ши, и он не рискнет с ним соперничать.

— Папа, Цинь Чжэньюй — тоже твой сын. Компания может достаться ему.

После этих слов Ши Фэнмин посмотрел на него совершенно чужим взглядом. Лишь спустя долгое время он прошептал:

— Яньжу, а если я разведусь? Перестань, я уже не молод, не пугай меня так.

Ши Яньжу отвернулся и глубоко вздохнул. Он не хотел ранить отца, но выбора не было. Если ничего не изменить, он вскоре погибнет. Угрозы, которые пережил Ши Яньжу в воспоминаниях Системы, были слишком страшны.

— Папа, я уже все решил. После выпуска я уеду жить за границу. Тетя Мо хорошая, она позаботится о тебе, я буду спокоен.

Ши Фэнмин задрожал, не в силах вымолвить ни слова, а затем разразился проклятиями:

— Неблагодарный!

Ши Яньжу смотрел на печальное лицо отца и снова вздохнул. Люди эгоистичны, и он тоже. Он не мог рисковать жизнью ради чувств Ши Фэнмина. Нынешний Ши Яньжу — это он сам, это

реальный мир, не сон и не игра. Он должен отвечать за свою жизнь.

Ши Яньжу, не оглядываясь, пошел прочь. Ши Фэнмин смотрел ему вслед, и из его глаз текли мутные слезы. Он пожалел. Если бы знал, что повторный брак лишит его сына, он бы ни за что не женился.

Выйдя из палаты, Ши Яньжу увидел Цинь Чжэньюя с пугающим выражением лица. Он прошел мимо, не сказав ни слова. Цинь Чжэньюй внезапно схватил его за запястье:

— Мне нужно с тобой поговорить.

Ши Яньжу нахмурился:

— А мне не о чем с тобой говорить.

Цинь Чжэньюй, не обращая внимания на сопротивление, потащил его прочь. Привезя Ши Яньжу домой, он швырнул его на диван, скрывая за осторожным взглядом безумие:

— Почему ты хочешь уехать за границу после выпуска? Ты настолько меня ненавидишь, что не хочешь даже видеть?

Ши Яньжу, ошарашенный тем, что Цинь Чжэньюй знает о его разговоре с отцом, на мгновение замер, а затем с сомнением спросил:

— Разве я не должен тебя ненавидеть?

Цинь Чжэньюй больше не мог сдерживать ярость. Он вскочил и разнес всю мебель в гостиной, глядя на Ши Яньжу налитыми кровью глазами:

— Не вынуждай меня!

Ши Яньжу с ужасом смотрел на разрушенную гостиную и на Цинь Чжэньюя, который сейчас был похож на дикого зверя. Кто кого вынуждает?!

<http://bllate.org/book/22176/2310487>